

онной безопасности и предусматривающих ответственность за их совершение, которые нашли свое отражение в ст. 349–355 гл. 31 УК «Преступления против информационной безопасности». Родовым объектом рассматриваемых преступлений определена информационная безопасность (разд. XII УК). В данных преступлениях противоправное воздействие на компьютерную информацию как предмет преступления посягает на объект преступления – информационную безопасность. Таким образом, указанные выше преступления ограничены от иных противоправных действий, которые посягают на охраняемый объект путем воздействия на информационную безопасность. Вместе с тем в УК не определено содержание понятия «информационная безопасность».

В юридической литературе информационная безопасность в качестве объекта рассматриваемых преступлений определяется как совокупность общественных отношений, которые складываются в процессе защиты информационных ресурсов и охраны прав субъектов информации, а также обеспечения безопасности пользователей и пользования компьютерными системами и сетями. Предметом преступлений против информационной безопасности определена компьютерная информация, т. е. содержащиеся на машинных носителях, в компьютерной системе или сети сведения о лицах, предметах, фактах, событиях и явлениях, и компьютер как информационная структура – материальный носитель этой информации. Компьютерная информация как предмет преступного посягательства является обязательным признаком состава данных преступлений. В тех случаях, когда противоправное деяние было направлено не на компьютерную информацию, а только на ее материальный носитель – компьютер как предмет материального мира, преступное посягательство необходимо квалифицировать не как преступление против информационной безопасности, а как преступление против собственности. Для анализируемых преступлений характерно и то, что при их совершении компьютер может являться и предметом посягательства и орудием (средством) преступления. Это обусловлено его техническим построением, под которым понимается взаимосвязь элементов сложной системы, включающей в себя части программной, физической, логической структур. Традиционно в качестве средства или орудия совершения противоправных действий выступают вещи, с помощью которых они совершаются. В этой связи компьютер является такой же вещью, т. е. техническим средством (орудием) или приспособлением совершения противоправных действий. Иными словами, компьютер используется как орудие совершения преступления для доступа к предмету преступления – информации, хранящейся в компьютере, что влечет отрицательные последствия для этой информации.

Любая документированная информация имеет собственника. Информация, предназначенная для неограниченного круга лиц, является массовой, а информация, ознакомление с которой ограничено – конфиденциальной. Установление ограничения режима использования информации определяются нормативными правовыми документами или собственником информации, которые объявляют об уровне ее конфиденциальности. В соответствии с действующим законодательством конфиденциальная информация – это информация, не являющаяся общедоступной, которая может нанести ущерб правам и законным интересам предоставившего ее лица. Конфиденциальными в соответствии с законом являются, в частности, такие виды информации, как: государственная тайна, тайна переписки, тайна телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений, тайна усыновления, служебная тайна, коммерческая тайна, банковская тайна, личная тайна, семейная тайна, информация, являющаяся объектом авторских и смежных прав, информация, непосредственно затрагивающая права и свободы гражданина или персональные данные и др. Любая форма владения, пользования и распоряжения конфиденциальной документированной информацией без прямо выраженного согласия ее собственника за исключением случаев, прямо указанных в нормативных правовых актах, является нарушением его прав, т. е. неправомерной. Неправомерное использование документированной информации влечет предусмотренную законом ответственность.

Таким образом, специфика преступлений против информационной безопасности (некоторые авторы называют их преступлениями в сфере высоких технологий) определяется главным образом их предметом – охраняемой законом компьютерной информацией, под которой понимается информация, циркулирующая в вычислительной среде, зафиксированная на физическом носителе в форме, доступной восприятию ЭВМ, или передающаяся по телекоммуникационным каналам ЭВМ, сети или системы ЭВМ, ограничение использования которой установлено законом или собственником информации, и компьютером как информационной структурой – носителем этой информации. Объектом данных преступлений являются общественные отношения в сфере компьютерной информации, а именно информационная безопасность как совокупность общественных отношений, складывающихся в процессе защиты информационных ресурсов и охраны прав субъектов информатизации, а также обеспечения безопасности пользователей и пользования компьютерными системами и сетями. Иными словами, объектом посягательства преступлений в сфере информационной безопасности являются общественные отношения, обеспечивающие правомерное владение, пользование информацией, а также отношения, связанные с компьютерами, а компьютер служит орудием посягательства. Именно по этому пути развивается законодательство Республики Беларусь наряду с законодательством других стран в сфере информационной безопасности.

УДК 343.225.5

Т.М. Фицук

ФОРМАЛЬНО-ЮРИДИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ТРАКТОВКЕ ПОНЯТИЯ «АФФЕКТ» В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Важнейшей чертой уголовной политики белорусского государства на современном этапе его развития является процесс дифференциации и индивидуализации ответственности, теснейшим образом связанный с принципом справедливости наказания и соразмерности избираемой меры воздействия степени тяжести совершенного преступления. Вместе с тем гуманистические цели и задачи уголовного законодательства могут быть реализованы лишь в случае, когда правовая оценка содеянного будет основываться на всестороннем учете всех юридически значимых обстоятельств, в том числе данных, характеризующих психическое состояние субъекта в момент совершения преступного посягательства. В этом плане не теряет своей актуальности необходимость научного осмысления одного из наиболее дискуссионных правовых явлений – ответственности за деяния, совершенные в состоянии аффекта.

В уголовно-правовой науке понятие «аффект» трактуется по-разному:

- 1) как сверхсильная эмоция с особыми феноменологическими признаками, обусловленными его психологической сущностью;
- 2) как временное психическое расстройство, характеризующееся непродолжительным преобладанием процесса возбуждения над тормозным процессом и, как следствие, ограниченной возможностью субъекта контролировать свое поведение;

3) как формально-юридическая конструкция «сильное душевное волнение», закрепленная в уголовно-правовых нормах.

В рамках данной работы обратимся к анализу последнего из указанных научных подходов, в соответствии с которым аффект определяется как «сильное душевное волнение» («внезапно возникшее сильное душевное волнение»), что объективно актуализирует проблему установления их соотношения. Ряд ученых рассматривают понятия «аффект» и «сильное душевное волнение» как однопорядковые, но не тождественные, поскольку по своей психологической природе сильное душевное волнение охватывает кроме физиологического аффекта иные эмоциональные состояния, не достигающие его глубины по своей интенсивности и степени влияния на психическую деятельность индивида. В частности, характеризуя советское уголовное законодательство об аффекте, Б.В. Сидоров подчеркивал, что в понятие «сильное душевное волнение» закон вкладывал неодинаковое содержание: сильное душевное волнение как общее смягчающее обстоятельство по психологической природе и юридическому значению шире, нежели то психическое состояние, с учетом которого отдельные преступления выделены в специальный, менее опасный состав. В исследовании, посвященном экспертно-психологическому изучению криминальной агрессии, российские ученые И.А. Кудрявцев и Н.А. Ратинова отмечают, что законодательная формулировка «сильное душевное волнение» закрепляет возможность учета сверхинтенсивных эмоций, ограничивающих процессы познания, выбор средств и путей реализации деятельности, что характерно не только для аффектов в узком значении, но и свойственно для других выраженных эмоциональных состояний. Сопоставляя понятия «сильное душевное волнение» и «аффект» в действующем УК Российской Федерации, Н.А. Подольный приходит к выводу, что они соотносятся как общее и частное, и нормы уголовного закона выделяют аффект как один из видов сильного душевного волнения, не акцентируя внимание на остальных.

Иная позиция заключается в признании синонимичности исследуемых понятий, поскольку уголовный закон фактически отождествил их в нормах ст. 31, 141, 150 УК. В частности, В.И. Ткаченко указывает, что сильное душевное волнение большинством криминалистов и отдельными судами именуется физиологическим аффектом. Отметим, что законодатель, формулируя нормы об ответственности за деяния, совершенные в состоянии аффекта, оперирует кроме указанного понятия термином «внезапно возникшее сильное душевное волнение» (а не просто сильное душевное волнение). Это дает основание предполагать семантическое равенство психологического понятия «аффект» и юридического понятия «внезапно возникшее сильное душевное волнение». Между тем их отождествление вызывает определенные возражения:

1) термином «аффект» обозначается эмоциональная реакция, характеризующаяся четко операционализированными в психологической науке критериями, в то время как категория «внезапно возникшее сильное душевное волнение» носит оценочный характер и не соответствует классификации эмоциональных состояний, разработанной и общепринятой в психологии. Отмеченная особенность сказывается прежде всего на процедуре доказывания и установления аффекта в криминально-значимых ситуациях и, как показывает следственно-судебная практика, влечет определенную противоречивость в уголовно-правовой оценке деяний, сходных по механизму развития конфликта и динамике эмоциональных реакций виновного в ответ на провокацию;

2) понятие «внезапно возникшее сильное душевное волнение» отражает лишь некоторые признаки сверхинтенсивной эмоции – неожиданность возникновения («внезапно возникшее волнение») и количественную меру или степень интенсивности («сильное волнение»), которые являются важными, однако не самыми существенными характеристиками аффекта. В данном случае не учитывается его качественная сторона – особая динамика и специфическая природа с комплексом определенных, свойственных только указанному эмоциональному состоянию черт. В первую очередь это отражается в отнесении к аффектированным деяниям преступных посягательств, совершенных в эмоциональном состоянии, возникшем на стрессовой или фрустрационной основе, которым с точки зрения психологической науки не свойственна столь глубокая степень воздействия на сознательно-волевую сферу человека. Кроме того, прямое указание законодателя на внезапность возникновения аффекта неизбежно повлекло проявление определенного рода перекоса в установлении и оценке именно данного признака в ущерб остальным, имеющим не меньшую значимость для выяснения истины по делу;

3) некорректным и не отвечающим достижениям современной науки представляется использование для описания состояния аффекта архаичного сочетания «душевное волнение». Непоследовательность законодателя в формировании терминологического аппарата уголовного закона становится очевидной при сопоставлении положений ст. 28, 29, 31, 141, 150 УК. Так, характеризуя состояния невменяемости и уменьшенной вменяемости, законодатель применительно к расстройствам психики отказался от термина «душевный» как не соответствующего положениям современной психиатрической науки, однако сохранил его для описания аффекта – психического состояния, не выходящего за пределы нормы, при том, что в психологической науке подобный термин не применяется вообще.

В связи с этим представляется, что практика использования в уголовном законе понятия «внезапно возникшее сильное душевное волнение» должна быть оценена критически, поскольку это существенно затрудняет правильное и единообразное толкование и применение норм, регулирующих ответственность за эмоционально-обусловленные преступления. С целью устранения противоречий в правотворческой и правоприменительной деятельности видится целесообразным закрепление в терминологическом аппарате УК только категории «аффект». При этом с учетом значимых для уголовного закона признаков состава аффектированных деяний (прежде всего, типов конфликтных ситуаций, особенностей сознательно-волевой сферы субъекта преступления, обусловленных интенсивной эмоциональной реакцией) и необходимостью унификации терминологического аппарата современной науки под физиологическим аффектом в уголовном праве, с нашей точки зрения, следует понимать вызванное противоправным либо аморальным поведением потерпевшего острое психоэмоциональное состояние, существенно ограничивающее способность лица сознавать значение своих действий или руководить ими.

УДК 343.7

В.В. Хилюта

ЧУЖОЕ ИМУЩЕСТВО КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА

В ряде случаев имущество лица может по различным основаниям (законным или незаконным) находиться в чужом владении. Нередко в этой ситуации возникает вопрос о квалификации действий лица-собственника, которое завладевает своим собственным имуществом, находящимся в чужом владении. Следует сказать, что по этому поводу в юридической литературе почти безоговорочно утверждается, что к предмету преступлений против собственности не относится собственное имущество, находящееся в чужом правомочном владении. Свое собственное имущество не может быть предметом хи-